

университетская

ЖИЗНЬ

ОРГАН ПАРТКОМА,
РЕКТОРАТА,
ПРОФКОМА
И КОМИТЕТА ВЛКСМ
КРАСНОЯРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Газета основана в 1972 году. №№ 31—32 (486—487)

Пятница, 27 октября 1989 г.

Выходит один раз в неделю. Цена 2 коп.

В тот момент, когда вопрос ставится: быть или не быть комсомолу и нужны ли новые образования, ответ на него надо формировать на основе анализа места и роли молодежи факультета в политической и социально-экономической жизни страны, края, города, района университета, факультета.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА КОМСОМОЛУ, ИЛИ «ОТ НАШЕГО СТОЛА—ВАШЕМУ СТОЛУ»

ВОПРОС, ВОЗНИКШИЙ ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ.

Наше общество вступило в период революционной перестройки хозяйственной и политической системы на базе возрождения ленинской концепции построения социализма. Для полного успеха перестройки необходимо формировать ее идеологическое обеспечение, то есть и возрождение марксистско-ленинской идеологии, а следовательно, надо учиться социализму и коммунизму.

Такое формирование в условиях факультета необходимо начать с учебы самой молодежи, которая сама должна овладеть марксизмом-ленинизмом не по учебникам, цитатам и лозунгам, а по первоисточникам. Они должны овладеть методологией и диалектикой марксизма-ленинизма, на основе этого учить других. Эта задача, думается, может решаться в рамках политической организации молодежи.

Ключевым разделом программы этой организации как коммунистической надо поставить вопросы: а) глубокого изучения марксизма-ленинизма; б) на базе этих знаний дать критический анализ «хрущевского коммунизма» и «брежневского развитого социализма»; в) познать деформации нашей хозяйственной и политической системы и причины, их породившие; г) пути преодоления и ликвидации этих аномалий; д) что необходимо для возрождения ленинской концепции социализма.

Каждый член любой политической организации должен решить вопрос о его роли в создании истинного демократического государства трудящихся, в развитии самоуправления народа, в обеспечении истинной экономической и политической власти Советов трудящихся, в создании экономических и политических условий гармонии классовых и общечеловеческих ценностей.

Для того, чтобы эта деятельность для студента стала неотъемлемой частью его бытия, он должен этому учиться, т. е., используя известную мысль В. И. Ленина, можно сказать: комсомолец должен учиться коммунизму; формировать личность, способную решить эти задачи.

В такой ситуации закономерен более конкретный вопрос: чему учиться и как учиться? Применительно к сегодняшней ситуации ответ на этот вопрос заключается в решении следующих проблем.

Во-первых, коренные преобразования нашего общества, включающие сложные процессы перестройки хозяйственной и политической системы, может осуществить лишь то поколение, которое правильно познает нашу историю, то есть, образно говоря, почерпнет энергию из запаса нашей истории человеческих сил и средств, осуществленных предшествующими поколениями.

Во-вторых, необходимо коренным образом изменить систему обучения, сформированную в периоды диктатора антидемократических сил и застоя.

И, в-третьих, молодежь надо подготовить к тому, чтобы она сумела достроить и довершить дело истинных марксистов-ленинцев, — построить коммунизм!

Пожалуй с середины восьмидесятых годов в советской печати да и в лексиконе стали забывать об этом слове, а если и произносятся, с иронией.

Разве хрущевские коммунистические заветы, которые, безусловно, сродни «старым ветхим заветам», исключили веру в коммунизм?

Кто потерял эту веру, тот, вероятно, ее и не имел, а имел лишь «строшную» сумму знаний, которая была получена не в первоисточниках марксизма-ленинизма, а в бездарных учебниках, брошюрах и прочих трудах. В трудах и учебниках, в которых раскрывались идеи в полном разрыве с практикой жизни, — в самом лучшем виде расписывались в начале просто социализм, а потом и «развитой» социализм, общественное государство (а сейчас: «советский парламент», «самоуправление народа», «правовое государство»), многие выводы были самой отвратительной ложью и демагогией.

Думается, что тот, кто усвоил и овладел верой в коммунизм не по таким учебникам и трудам, а из первоисточников, понимает, почему сейчас мало говорят о коммунизме: потому, что перестройка приоткрыла завесу прежней лжи и задача стоит вернуться на ленинский путь, ликвидировать разрыв теории с действительной практикой, тот самый разрыв, который составляет самую отвратительную черту «развитого социализма».

Ведь долгие годы мы изучали не реальную жизнь нашего общества, а только коммунистические лозунги, и вот результат: полная апатия и аполитичность многих

комсомольцев. В. И. Ленин пророчески предупреждал: «Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги... тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма». Это мы и имеем сейчас.

В такой системе обучения людей не воспитывали, а натаскивали в интересах государственного и партийного аппаратов, а не в интересах общества и ленинской партии.

Сегодня нам с Вами надо решать, что отбросить из старой школы, а что оставить. Думается, надо развенчать и отбросить то, что являлось инструментом эксплуатации (жесткой!) трудящихся прежним госаппаратом с «идеологическим» обоснованием партаппарата, а оставить для изучения — самоотверженный тяжкий труд и испытания войны рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, в рядах которых были миллионы истинных коммунистов и комсомольцев-ленинцев. И описывать, и изучать их жизнь надо с огромной печалью и великой памятью. На их жизни, на анализе собственного места в сегодняшнее бурное время новых революционных преобразований и надо учиться коммунизму, принципы (но не лозунги!) которого можно усвоить и овладеть ими, лишь познав марксизм-ленинизм.

Но нельзя овладеть марксизмом-ленинизмом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием, а особенно «...той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Кто хорошо познает марксизм, тот убедится, что коммунизм появился из суммы человеческих знаний».

История рабочего движения всего мира показывает, что марксистское учение стало учением многих миллионов трудящихся. К. Маркс создал свои труды «на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения человеческого общества того периода... и того, что дала прежняя наука».

И вот здесь возникает вопрос: как познать наследие прежних наук периода марксизма-ленинизма, теорию и практику современного периода? Для этого есть два пути. Первый: кое-что прочитать, кое-что закон-

спектировать, кое-что заучить в виде цитат и крылатых выражений — что, как правило, и делается. Второй: овладеть методологией, диалектикой марксизма-ленинизма и на их основе самим познавать историю и окружающий мир.

Бесспорно, наиболее плодотворным является второй путь. Но ныне действующий учебный план, программы, учебники не соответствуют ему. Следовательно, задача комсомольской организации принять заинтересованное участие в разработке таких планов, в которых не должно быть места суррогатам марксистско-ленинской этики и эстетики, например, типа «Музыка как вид искусства», марксистско-ленинского учения о государстве и праве типа «Теории государства и права», истории политической системы СССР и т. п. Учебные планы должны правильно сочетать изучение фундаментальных дисциплин и курсов специализации. Все это позволит сформировать у студентов мировоззренческое понимание морали, нравственности как формы общественного сознания и жизнедеятельности индивидов, классов; научить понимать сферу художественной деятельности человека, правильно оценивать его отношение к миру; вооружить его способностью к обучению в течение всей деятельности; умение и навыки мобильной адаптации к изменяющимся базисным и надстроеным отношениям.

Такая цель достижима лишь в условиях огромного труда и творческой учебы, а не при «свободном» посещении занятий. Вот здесь-то и надо проявить комсомольцам свой интерес, то есть решать повседневную задачу — формировать убеждение собственное и окружающих в том, что «свободное» посещение — это не освобождение от знаний, а свобода поиска и выбора форм познания. Это право требовать творческих форм обучения, чтобы педагог не губил пустословием драгоценное время студентов, не уходил от ответов на самые сложные и острые вопросы, видел в студенте личность, а смысл в служении ему. Поэтому высказанная идея о воссоединении комсомольских организаций студентов и преподавателей представляется плодотворной. Объединение поможет совместно выработать единую волю, сознательную дисциплину в работе и учебе. Без сознательной дисциплины не будет движения вперед, но ведь

сознательную дисциплину обеспечивать, ее надо формировать. И это одна из задач комсомола!

Но сознательную дисциплину не сформируешь без опоры на коммунистическую мораль. О ней тоже забыли говорить, или говорят, но с иронией. Так могут поступать лишь люди ограниченные, карьеристы, хамы и т. п.

Это стало возможным не потому, что коммунистическая мораль лишена жизненности, а потому, что она была извращена лживыми тезисами «мелкобуржуазного коммунизма» и «развитого социализма».

Сегодня наше общество встало на путь возрождения и обновления социализма. Этот процесс отвечает коренным интересам трудящихся. Но современные оппортунисты, ревизионисты, конформисты, коррумпированные элементы, спекулянты и прочая преступная рать в определенной мере объявили войну перестройке. Рабочий класс, который содержит многомиллионную армию милиции, милицейских дивизионов, отрядов милиции особого назначения, службу государственной безопасности, внутренние войска, вынужден формировать свои отряды, так как указанные армии не могут справиться с растущей преступностью. Так я хочу спросить: есть ли совесть и политическая зрелость у тех комсомольцев-юристов, которые не видят интереса в оказании помощи трудящимся, и предлагают «объединиться в клубы «Любителей пива», где и можно поболтать о политике? Им, кстати, напоминаю, что пиво производит рабочий класс, и судьба подобных клубов в их руках. Так что, мои юные друзья, предлагаю для обсуждения интерес в служении людям труда хотя бы в форме оказания помощи в охране правопорядка, а попутно и проверить свои способности на этом поприще.

Основная масса трудящихся пока не может защитить свои интересы в правоохранительных органах (они чаще охраняют права аппарата), в сферах торговли, общественного питания, бытового и других видов социального обслуживания. Так помогите, будущие юристы овладеть им механизмом социальной защиты. Помните, что Ваша стипендия и условия обучения во многом зависят от результатов труда рабочего класса. Ваш вклад в этот труд пока мало ощутим. У меня же есть основания думать, что комсомольцы скоро будут просить рабочий класс о защите.

Начинается выборная кампания в местные Советы, и от того, как она пройдет, во многом зависит возрождение власти трудящихся. Они как никогда нуждаются в юридической помощи, в иде-

ологическом обеспечении активности масс. Могут ли комсомольцы факультета стать активными помощниками? Ответ лучше получить в конце кампании и от трудящихся.

Считаю, что комсомольской организации факультета целесообразно формировать инициативные группы по интересам: группу формирования учебно-воспитательного процесса; группу политического образования и идеологической работы; группу содействия в борьбе с преступностью; группу содействия юридическому всеобучу; группу участия в выборной кампании; группу формирования и поддержки студенческого самоуправления.

Количество и виды групп зависит от ситуации в обществе и на факультете. В группах осуществляются все виды деятельности.

Отношение комсомольской организации с партийной должно строиться на паритетном сотрудничестве на общей идеологической основе.

Жду мнения сторонников и противников своих взглядов.

П. ПОЛИТАХИН,
член КПСС с 1964 года.

◆ Это и есть Михаил Майоров, которого мы выбрали делегатом на всесоюзный студенческий форум. (Студент юридического факультета).

◆ Раздел «Сознание и мышление» в курсе истории философии для математиков будет читать кандидат богословия Ю. Н. Перовиков (отец Георгий). Занятия включены в расписание с этой недели.

На филфаке отец Георгий уже читает курс «Введение в семантику церковнославянских текстов».

Красноярская правая
кафедра факультета
Ю. В. И. Тихонов

А НУЖНО УЖЕ СЕЙЧАС

Продолжаем публикацию откликов на статью К. К. Джансеитова «Быть или не быть» («УЖ», 20 сентября). Автор хотел, чтобы непременно присутствовали мнения Ольги Геннадьевны Проворовой, зав. кафедрой высшей математики физфака и Сергея Васильевича Качина, декана химического факультета. Сегодня мы их представляем.

— Я внимательно прочла статью Карла Карембаевича и в целом ее поддерживаю. Но должна сказать следующее. Сам автор, вроде, видит, что корень проблемы во внешних причинах — таких как отсутствие конкуренции среди выпускников и так далее. Он упоминает об этом не единожды. А потом как бы забывает и «сваливает» проблему на администрацию университета. С этим я не согласна.

Порой он стучит в открытые двери. К примеру: мы не знали бы, с кем мы работаем, кто к нам поступает, только если бы жили с закрытыми глазами.

Далее, если мы и завышаем сессионные оценки или ставим не вполне заслуженную «тройку», то это «дав-

ление» не сверху, а скорее, внутри нас — жалеет, «входим в положение» и так далее.

Предложения автора статьи хороши, но идеалистичны. Мы ограничены фондами, числом преподавателей — вполне объективными обстоятельствами. А учить хорошо надо уже сейчас.

Мне кажется, важен не только отбор, но и обучение своего абитуриента, пока он еще школьник. На нашем факультете пытаются это делать, и безуспешно.

Выход мне видится и в привлечении к работе с первым курсом старшекурсников. Эта попытка была нами предпринята в начале нынешнего учебного года, когда первокурсники, преподаватели и некоторые старше-

курсники выехали на неделю в лагерь. Оказалось, что у студентов старших курсов преподавание получается неплохо, к тому же это полезно для обеих сторон. И нам кажется в результате, что реальностью становится студенческое кураторство.

Меня вообще настораживает отношение к образовательному процессу как к «хорошо налаженному производству». А кто же тогда в этом производстве студенты? Мне бы не хотелось относиться к ним ни как к винтикам, ни как к материалу. Мне ближе позиция Т. В. Шмелевой, которая видит студентов коллегами.

Вот как раз в «Звездочке» у нас со старшекурсниками был единый преподавательский коллектив, мы называли их стажерами, коллегами. Хотелось бы, чтобы такая атмосфера сотрудничества, коллегиальности и сопричастности сохранилась между нами и в университете. **О. ПРОВОРОВА.**

ЧЕТКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Вопросы образования, преподавания и воспитания в последние 10 лет занимают достаточно много внимания организаций различного уровня, в том числе международных. Так, Римский клуб, наиболее интересный по замыслу сообщество ученых и делового мира посвятил свой VII доклад («Нет предела обучению») состоянию школы, институтов, университетов. Авторы доклада отметили разрыв между возрастающей сложностью мира и способностью человека ориентироваться в новых условиях. Этот разрыв, называемый «человеческой лакуной», по мнению авторов, обусловлен традиционной формой образования и является причиной многих «затруднений человечества». Хотя последний тезис является спорным (имеются затруднения, связанные и с социальными явлениями в обществе), нельзя не согласиться с выводами авторов о необходимости коренного пересмотра методов обучения и введения обучения, основанного на предвидении и активном участии человека в создании будущего.

Комиссия ФЕХО (Федерация европейских химических сообществ, объединяющая свыше 30 обществ, в том числе Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева) в результате ряда дискуссий, заседаний в рамках конгрессов ЮПАК, а также анкетирования стран-членов ФЕХО сформулировала цель современного образования: создать выпускника, не только обладающего требуемыми знаниями и образом мышления на уровне мировых стандартов, но, сверх того, несущего ответственность за общество и природу.

Как достичь поставленной цели? Думается, никто не в состоянии дать исчерпывающий ответ. В связи с этим обмен мнениями на страницах УЖ между преподавателями, студентами, научными сотрудниками представляется полезным и интересным.

Не анализируя статью моего коллеги доцента К. Джансеитова «Быть или не быть?», в дополнение к ряду предложений по совершенствованию системы преподавания и контролю качества знаний студентов мне бы хотелось поставить еще одну проблему: как «разбудить» внутренние стимулы у студентов в условиях нашей действительности к получению качественного профессионального образования? Мне кажется, самая

совершенная система преподавания и контроля, предложенная сверху, при гарантированном государством трудоустройстве выпускника вуза будет иметь в большей степени «косметический» результат.

Одним из путей решения поставленной проблемы является подготовка специалистов в рамках программ ЦИПС в ее модернизированном варианте. В этом году на химическом факультете открыта новая специализация: «Физическая химия материалов электронной техники». Заказчиками (спонсорами) на специалистов указанного профиля выступают предприятия г. Красноярск, КНЦ СО АН СССР, завод телевизоров и др. Условно подготовка специалистов разбита на три этапа. Первый этап довузовской подготовки предполагает организацию базовой школы и создание на ее основе «сборного» класса (как правило, это 9 класс) из ребят других школ города, желающих обучиться соответствующему образованию и прошедших тестовые испытания. На этом этапе в течение последующих двух лет силами учителей базовой школы, преподавателей и сотрудников факультета, с участием специалистов предприятий — заказчиков проводится подготовка абитуриентов для химического факультета с использованием совокупного интеллектуального и материально-технического потенциала заинтересованных сторон и в соответствии с программой будущей специализации. Венец работы — выпускные экзамены, часть из которых засчитывается в качестве

вступительных. Второй этап — 6 лет — собственно учебный процесс. Здесь предполагаются прежде всего крупные финансовые и материальные «инъекции» в учебный процесс и науку (в идеале на уровне мировых стандартов), а для студентов в соответствии с «рейтингом» (с высоко поднятой планкой минимумом требуемых знаний) индивидуальные договоры с определением будущего места работы, величины надбавки к установленной стипендии, стажировкой в ведущих вузах и НИИ страны, а в недалеком будущем и за рубежом и т. д. Этот этап предусматривает также двухступенчатое образование — часть студентов, для которых «планка» минимума знаний окажется слишком высокой, могут ограничиться неполным средним-специальным образованием. В обоих случаях договор между факультетом и заказчиком гарантирует качество образования. И наконец, третий этап (не ограничивается по продолжительности) — работа с молодыми специалистами. Цель — достижение эффективной обратной связи через вовлечение молодых специалистов в цикл первых двух этапов, проведение совместных научных исследований. И так, эксперимент начнется. Одним из его положительных качеств, на наш взгляд, является достаточно четкая жизненная перспектива для сегодняшнего школьника, будущего студента и молодого специалиста, которая в значительной степени определяется конкурентоспособностью последнего.

Итак, эксперимент начнется. Одним из его положительных качеств, на наш взгляд, является достаточно четкая жизненная перспектива для сегодняшнего школьника, будущего студента и молодого специалиста, которая в значительной степени определяется конкурентоспособностью последнего. **С. В. КАЧИН.**

Мы благодарны Сергею Васильевичу Качину за согласие написать для газеты и обсудить проблемы, поднимаемые статьей «Быть или не быть?». Но публикуемый материал, все-таки, — это ответ не на вопрос «быть или не быть?», который задает статья К. Джансеитова, а на вопрос «А что у вас?» — а у нас в квартире газ... Вопрос «Быть или не быть?» он не снимает для студентов и преподавателей химического факультета. Или там у нас не выпускают брак? Эксперименты — очень хорошо, но помимо экспериментов есть существующий двадцать лет учебный процесс, и большинство студентов — прежних, а не новых специальностей — проходит сквозь него. Сергей Васильевич, напишите нам еще. — Ред.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
Библиотека приглашает на расширенный просмотр зарубежных изданий, где будут представлены:
— рекламные издательские проспекты;
— рекламные издательские каталоги;
— зарубежные репродуцированные журналы;
— зарубежные журналы на МФК по всем отраслям знаний.
Просмотр состоится:
— на Маерчака, 6, с 1 по 3 ноября, ауд. 1-13, СБО;
— Свободный, 79, с 10 по 15 ноября, научный абонемент.
В период просмотра вам поможет консультант, знающий иностранный язык.

В университете средней руки

Мы писали о том, что 3-й курс филфака созвал собрание факультета, пригласил на него представителей ректората, парткома и профкома и предъявил претензии деканату в связи с организацией учебного процесса и работой деканата. Претензии мы перечисляли.

Я думала, что напишу об этом собрании нейтральную заметку, но собрание носило такой характер, что пришлось лично определяться в своем отношении к «истцам и ответчикам». Дело в том, что задавали вопросы по поводу вещей, которые «повелись» на филфаке давно, с начала его основания, и имели место все 8 лет его существования. А я пять лет из этих восьми тоже на филфаке провела, мы были первым выпуском. Но мы ничем не возмущались, и выходит, нынешние студенты возмущаются и за нас.

Когда мы учились, факультет только организовался, все это «понимали» и в ситуации нехватки аудиторий, преподавателей, книг как-то мирились; в период становления такие вещи естественны.

А так как неустроенность факультета признавала и администрация, у нас было 2 преимущества: у нас было 2 пальца смотрели на «свободное посещение», о котором тогда в законном порядке и речи не было (впрочем, мы этим свободным посещением и редко пользовались, все старались «ходить» на лекции и семинары. Но если кто-нибудь из преподавателей встречал вас в краевой библиотеке, тогда как в это время вы должны были на занятиях, то делал вид, как будто так и надо). И нам приглашали специалистов из других, самых разных, вузов страны, даже для курсов, по которым, вроде бы, были свои сильные преподаватели. Например, мы трепетали перед Татьяной Исааковной Бытовой, для нас это был уровень «высший» — и вот курс «Лексикологии» приглашают читать специалиста из Иркутского университета, а Татьяна Исааковна ведет практические. То же — по старославянскому языку: профессор МГУ Г. А. Хабургаев известен как автор лучшего учебника для этого курса; и наш Иван Иванович Литвиненко считал себя учеником профессора, т. е. мог бы сам читать курс, но был приглашен Хабургаев.

Сейчас, насколько мне известно, «не то». Впрочем, «не то» стало уже при нас, когда вместо других университетов стали приглашать почасовиков из пединститута, из средней школы и даже «с улицы». И нам — в университете! — на курсе исторической грамматики буквально рассказывали анекдоты (не из курса грамматики, а из личной жизни). Уже при нас стало возможным, что ВСЮ зарубежную литературу читает один человек (сначала это множество веков, языков и стран доносила нам одна Ольга Станиславовна Асписова, теперь вместо нее Наталья Анатольевна Редько). Вообще, литературоведов и историков литературы — в сравнении с потребностями — нам приглашали гораздо реже, чем лингвистов. Хотя с литературой-то у нас особенно плохо.

Но тем не менее мы не жаловались ни на уровень, ни на объем преподавания, хранили «тайну сию»; скорее всего, все-таки, не видели зависимости этого от нас, да и себя не считали бог весть какими дарованиями. Но вот я слышу, что нынешние студенты тот же самый «негласный договор» считают ненормальным, для себя неприемлемым и требуют преподавания иного уровня. Этих студентов уже не связывает с преподавателя-

ми тайна становления и начинания. Объяснения их не устраивают тотально, до такой степени, что трудно себе поверить. Когда им говорят: у университета нет базы, они отвечают: «Интересно получается, базы нет — университет есть, учебников нет — факультет есть. Зачем было университет открывать?» (Мы благодарны были, что «получаем» образование. А существование университета представлялось ценным само по себе). Когда им говорят: высшая школа вообще нищая, — они отвечают: «Зачем тогда высшая школа, давайте за границу будем ездить учиться».

Студенты нынешние требуют искать профессионалов и в самом язвительном тоне предъявляют свои претензии: «По-видимому, деканат считал, что у нас очень хорошо кадры подобраны, если позволял себе ими разбрасываться?» И пофамильно начинают выяснять, кто по какой причине уволился. Или: «Неужели лучшему специалисту факультета нельзя было предоставить жилплощадь? В этом ведь и заключается административная работа» (имелся в виду В. М. Паперный) Или: «Значит, вы считаете, что деканат прилагает достаточно усилий для того, чтобы материально обеспечить факультет?» Наконец, на ответ декана, что в этом году в университете особая ситуация: «Тогда, видимо, своим ученикам в школе я буду говорить: — Понимаете, когда я учился в университете, у нас на третьем курсе была особая ситуация». И предлагают свои резоны: «После этого вы не догадываетесь, почему наши выпускники не хотят идти в школу? — Мне кажется, потому, что их не научили».

Но раз вырисовалась такая картина: что студенты требовательны и что страдают от низкого уровня университета — меня стали удивлять факты другого рода. Например, книг в университетской библиотеке мало: по литературоведческим специальностям — 60 процентов, по журналистике — 30 процентов (причем здесь имеется в виду самый скромный минимум, учебники). И вот — библиотекари говорят: отнюдь не студенты филологического факультета чаще всего сидят в читальном зале. В библиотеке фонд филологической литературы спрашивается меньше всего. Студенты найдутся, что ответить: что же нам в тех читальных залах сидеть, когда в них книг нет? — Но я зашла на научный абонемент, действительно, если у нас на весь факультет был один экземпляр словаря В. И. Даля, то сейчас каких только словарей (а это один из главных источников для филолога) там нет. Есть даже дореволюционные энциклопедические словари, до ста томов.

Или: говорят, что по поводу журналистов 4-го курса нужно бы сделать «прецедент» и перевести их всех на филологию: преподаватели разводят руками, к ним никто не ходит. («А ведь если нет учебников — встреча с преподавателем должна быть для вас днем радости»). Но сами «журналисты» 4-го курса, видимо, от перевода туда или сюда несколько бы не расстроились. Или: для журналистов же согласился читать спецкурс эту бывший ректор В. С. Соколов. Он — второй секретарь крайкома партии.

его руках — настоящая и будущая политика и идеология края, у него можно брать информацию из первых рук. с него можно «спрашивать». — И на его занятиях либо 1—2 человека, либо вообще никого...

Преподаватели же смотрят на «претензии» студентов со своей стороны, и надо сказать, от их точного «схватывания» сути студенту должно бы стать не по себе: — Да, у нас университет средней руки. Но студент Щ после окончания его должен будет сказать: «Я учился в университете средней руки, но и его возможностей не использовал». А студент Ж. сможет сказать по-другому. «Я учился в университете средней руки, но то, что он мог дать, я использовал в полную меру».

В глазах преподавателей многие претензии студентов выглядят «отстаиванием права на необразованность»: когда журналисты, те, кто чаще других будет выносить свое слово на всеобщее обозрение, не считают, что им нужен русский язык и русская литература «в таком количестве»; сократите нам основные курсы.

И после этого студенты «требуют».

Здесь я перестану их понимать, а вместе и проводить лирические параллели. Расскажу, к чему пришли.

Пожалуй, однозначно решен только один вопрос: что в течение 2-х месяцев будет уволена секретарь деканата О. А. Петрова. Долгое сопротивление декана факультета В. И. Петричева в ответ на это единогласное требование студентов вызвало удивление даже у посторонних. Председателю студенческого профкома Н. В. Беспрозванных пришлось сказать: «Единственное место, куда может уйти студент — это деканат. И если студенты боятся уйти туда лишней раз — непонятно, как организована работа деканата. Как организована эта работа, так и осталось непонятным, но секретаря будут искать нового.

На всех факультетах студенты возмущены увеличением набора без согласования с ними. Не исключение и филфак: нет книг, нет кадров, нет общежития, а набор увеличивают. Объяснение увеличения набора открытием новой специальности (журналистики — вместо существовавшей специализации) было отвергнуто самими преподавателями: «Связи между специализацией и набором нет. В МГУ на специальность «классическая филология» набирают 10 человек. На гуманитарном факультете НГУ — все время 50 человек. И статус факультета, и мировая слава от количества не зависят. Кроме того, это решение идет вразрез с тенденциями развития высшей школы. Тенденция — сокращать набор, не количество увеличивать, а качество улучшать».

По поводу нехватки книг проректор А. С. Проворов заверил, что есть возможность переиздания их через университетское издательство. Это очень интересно, я думаю, кафедры филфака эту возможность потропятся использовать.

Что касается филологического факультета, то его сегодняшний день оценивается однозначно и со стороны студентов, и со стороны ректората. Студенты: «Восемь лет прошло факультету, а он в том же сраном состоянии». А. С. Проворов: учебный процесс менее всего отлажен на двух факультетах — экономическом и филологическом. Поэтому правильно бучу поднимаете.

В. ЧЕЛАЗНОВА.

Вспомните, как в университете говорили о том, что студенту-юристу выпала редкая возможность — учиться в Америке. Целый год. Вот и этот год прошёл. ОЛЕГ МАРТЫНЮК снова студент юрфака КГУ, теперь уже пятикурсник. Мы попросили Олега рассказать об Америке — то, что он сам считает нужным рассказать.

База договора о взаимном обмене студентами была заложена еще в 1985 году в Женеве на первой советско-американской встрече в верхах. На основе этого принципиального соглашения в начале 1987 года был заключен уже детальный, конкретный договор между госкомитетом по образованию и консорциумом американских колледжей. Договор по обмену студентами на безвалютной основе с целью культурных и образовательных связей между СССР и США. С американской стороны участвуют 21 колледж и 5 университетов. Среди них самые престижные. Оберлин-колледж, в котором мне довелось учиться, входит в элиту.

В прошлом году программа была осуществлена впервые.

Сначала конкурс на факультете. Условием было иметь 3 курса за плечами. Голосовало общее собрание студентов курса. Потом в главном корпусе состоялась конкурсная комиссия из представителей деканатов, партийных, профсоюзных и комсомольских бюро. Честно говоря, когда пригласили на комиссию, мне не сказали, что там тоже будет конкурс. Только там я увидел других кандидатов. После собеседований комиссия решила за закрытой дверью. Как оказалось, и это был не последний этап конкурса. Бумаги отправили в Москву, там отбором занималось гособразование.

До последнего я оставался в неведении. Позвонили 1 августа и сказали, что 3-го надо быть в Москве, а 6-го — вылет в Америку. Все-таки странно, почему известили так поздно, потом оказалось, что еще 19 июля был готов на меня паспорт. Надо было срочно выполнить разные формальности, да к тому же достать билет. Неудивительно, что в Москве еще происходили замены не прибывших (видимо, просто не успевших вовремя) на резерва.

Седьмого я был в Америке. Сначала, на аэродроме ничего особенного не ощутили. Как будто ничего и не произошло. И только когда ехали в автобусе по Нью-Йорку, мимо небоскребов, почувствовали, что мы действительно уже в Америке.

Всего поехало 56 советских студентов. Из Сибири и Дальнего Востока больше никого не было. Были москвичи, но кроме них из всей РСФСР приехали только я и девушка из Воронежа. Даже из Ленинграда никого. Остальные — из Прибалтики, Армении, Украины, Закавказья. Нескольких странный принцип отбора.

Первые 3 недели советские студенты провели вместе в Мидлбери. Там с нами занимались — с утра компьютерами, после обеда английским. Потом — фильмы, лекции. По выходным ездили по городам, музеям, на фермы, на завод мороженого. Очень интересно и познавательно.

В это время мы были распределены по колледжам и университетам. Распределение, нам сказали, будет добровольным, предлагалось самим выбрать два-три учебных заведения, потом данные перетасовали, направили по 2—3 человека в каждый колледж. Я выбрал два совсем других, но предложили Оберлин-колледж. Со мной поехали девушка-биолог из Тарту и экономист из Алматы. На месте все мы были поселены в комнатах с аме-

риканцами.

Колледж, в котором я учился, находится в штате Огайо, в небольшом городе Оберлин. Большинство колледжей и университетов Америки расположены в небольших городках. У американцев есть традиция — уезжать учиться подальше от своего дома. Остаться в том же городе (даже очень крупном) — редкое исключение. Как правило, студенты стараются уехать чуть ли не в другой конец страны. (Американцы вообще очень мобильны, выходные дома не проводят. Для них есть в машине и проехать из одного штата в другой — норма).

Оберлин-колледж первым в Америке начал учить на общих основаниях негров и «белых», мужчин и женщин. Славится как очень либеральный колледж, в том числе и политически. Вообще во всей этой стране не делают большого акцента из своих убеждений. (Хотя в разных штатах, городах, колледжах по-разному могут относиться к тем или иным ориентациям).

Мне даже показалось, американцы не любят спорить и охотно идут на компромиссы. Кричать, размахивать руками, доказывая свою правоту, не принято. Насколько легко они идут на контакт, настолько неохотно — на конфликт. Оберлин-колледж активно борется с попытками дискриминации. Администрация его старается приглашать людей разных направлений и взглядов. При мне приезжал выступать лидер никарагуанских контрас. Из СССР приезжал С. Курежин, ленинградский музыкант-авангардист. И у Б. Н. Ельцина была договоренность на выступление там. Президент Оберлин-колледжа — ведущий в США советолог, один из консультантов Рейгана перед его поездкой в СССР. Его рассматривают как наиболее вероятного кандидата на должность посла США в СССР.

Американская система образования очень отличается от нашей. Каждый колледж, университет и даже школа сами себе определяют образовательную политику — какие предметы и в каком объеме преподавать, методику и т. д.

Образование там многоступенчатое, и при переходе от одной ступени к другой учащиеся приобретают все большую самостоятельность. К примеру, на средней ступени в школе (а там 4 года — с шестилетнего возраста — начальная, потом средняя и 4 — высшая ступень школы) есть литература как обязательный предмет. Но какая именно литература (античность, средневековая, русская, европейская) — выбирает сам школьник. На высшей ступени уже выбирают предметы, из десяти — 8—9. Но это лишь общая схема, в отдельных школах все по-своему.

Чтобы получить специальность в США, необходимо образование не ниже колледжа или университета. Университеты только размером крупнее, чаще являются собственностью государства и имеют при себе различные виды школ — правовая, медицинская и т. д. (Чтобы стать врачом, юристом, инженером недостаточно диплома бакалавра по окончании университета или колледжа,

нужно еще поступить и проучиться два, три или четыре года в такой школе при университете).

Образование в частных колледжах и университетах гораздо дороже, чем в государственных. (В Оберлин-колледже оно стоит 20 тысяч долларов в год, а в государственных, насколько я знаю, — 1,5—2 тысячи), но и гораздо качественнее и престижнее. Их выпускники имеют больше шансов найти хорошую высокооплачиваемую работу. Найти низкокачественную работу большой проблемы нет.

В чем преимущество частных колледжей? Они раз в два, три, а то и десять меньше по размеру и количеству студентов. Я был в университете в Беркли, в Калифорнии, там лектор читал через микрофон для двухсот человек. Там трудно получить консультацию. В частных же аудиториях на 30—50 человек, широко практикуются занятия преподавателей со студентами один на один.

Все частные колледжи даже по американским меркам очень хорошо оборудованы. В Оберлин-колледже такая консерватория, что равных ей по всей стране две или три. Отличные компьютерные классы. Пять библиотек (в консерватории —

Америка, где я учился

своя), одна из них центральная, там подавляющее большинство всех книг. Периодика со всего мира. Из советских газет — «Правда», «Известия», «Литературная», «Советская культура», «Московские новости» и почему-то «Казахстанская правда», что очень расстроило нашего алмаатинца. Много книг на русском языке. Библиотека работает с 7 утра до 1 ночи, во время сессии — круглосуточно. Там можно не только работать, но и просто проводить время, и даже спать, есть и кресла, и диваны.

Стеллажи с книгами находятся в свободном доступе. В корешок каждой книги вставлена пластинка, которую зафиксировать прибор, если кто-то захочет ее вынести.

Взять домой книгу можно, но библиотекарь должен провести необходимую регистрацию.

В этой же библиотеке крупный компьютерный зал, все компьютеры соединены с печатными машинками. Ксероксы на каждом этаже, в Америке они, впрочем, и на почтах, и в банках.

Очень комфортные общежития. Комнаты не тесные, по желанию там можно жить одному или вдвоем. Но первое редко кто выбирает. В каждой комнате телефон, полный набор мебели, ковры. Многие, правда, снимают частные комнаты, квартиры — это дешевле. Но обязательно студенты 1 и 2 годов обучения должны жить в общежитиях.

У Оберлин-колледжа около 15 общежитий. Перед заседанием разыгрывается лотерея, в которой каждому выпадает очередной номер. Потом в порядке этой очереди студенты выбирают на свой вкус здание и комнату.

Для входа в столовую у каждого студента есть магнитная карточка с кодом, которую надо вставить в щелку автомата как пропуск. Автомат фиксирует ваш код и второй раз на обед по этой карточке уже не пропустит. Но в самой столовой — по принципу шведского стола. И выбор очень большой. Студенты, для которых платить за такую столовую дорого, питаются сами. Часто организуют для этого студенческие кооперативы.

В Оберлин-колледже два прекрасных дома спорта с бассейнами. Прокат спортивного инвентаря по студенческому билету. Но если вы просто житель этого городка — не студент, то надо заплатить.

С одной стороны, это факт, что образование в частных колледжах стоит очень дорого. Но действительно и то, что многие студенты учатся вообще без платы или платят частично. По документам о финансовых возможностях семей при зачислении студентов финансовые комитеты в колледжах определяют, кому сколько платить. Мой сосед по комнате, сын фермера, не платил вообще.

Такая финансовая помощь осуществляется за счет разных фондов от пожертвований (и т. п.) и может быть безвозмездной или как кредит — на очень длительное время и на меньшее, чем в банках, проценты.

Конечно, для тех, кто претендует на финансовую помощь, конкурс позыве. Но участвуя в конкурсах, даже богатые студенты могут быть финансируемы фондами. У меня сложилось впечатление, что полностью платит за обучение меньшинство.

Как выпускник школы становится студентом вуза? Весной школьник, планирующий дальнейшее обучение в колледже или университете, добровольно выдерживает комплексный тест по изученным в школе дисциплинам по разделам: общественные, естественные и физико-математические науки. В каждом разделе несколько десятков вопросов, на которые надо ответить письменно. Этот экзамен длится два-три дня, и по его результатам начисляются суммарный балл. Оценки выставляются по почти 1000-балльной системе). Выпускник потом рассылает в разные вузы (обычно, в 5—7) просьбы принять его как студента, прилагая автобиографию и справки о суммарном балле и финансовом положении семьи. По этим документам приемные комиссии проводят зачисление. Без вступительных экзаменов. Школьник может быть зачислен в несколько вузов, из которых потом выбирает один.

Академический год начинается в сентябре. Перед началом занятий студенты сами должны выбрать предметы на предстоящий семестр и зафиксировать свой выбор. Для этого есть каталоги, где помимо прочего можно узнать расписание и место проведения занятий. Студент сам смотрит, чтобы не было накладок. Обычно у него бывает 4—5 предметов в семестр; в течение 2—3 недель после начала занятий он может изменить расписание. Бывает, преподаватель отказывает студентам, если желающих заниматься у него больше, чем это возможно. Но можно попытаться попасть к нему в следующий семестр. Можно выбрать и предмет, которого нет в каталоге. Если, конечно, удастся договориться с преподавателем. (Так я изучил курс международного права). В таком случае занятия могут проходить один на один с преподавателем или — два-три студента и преподаватель.

Ограничения самые общие. Нельзя, например, брать больше половины предметов по намеченной специальности.

Для диплома надо успешно изучить определенное количество предметов или на-

брать определенное количество баллов. Каждый предмет, в зависимости от его сложности, актуальности и полезности оценивается по 6—7-балльной шкале. Для диплома нужно 112 баллов. Это в среднем по 14 в семестр. В Оберлин-колледже необходимо в начале семестра зарегистрировать не меньше 12 баллов. Меньше в принципе можно, но специальная комиссия должна рассмотреть ваши причины и разрешить.

В Оберлин-колледже занятия по большинству предметов — это что-то среднее между лекцией и семинаром. Вначале краткая, минут на 20, лекция, затем обсуждение на добровольных началах. По некоторым предметам обучение строится по традиционному для нас принципу — лекции и семинары. Отвечать не «вызывают», и оценки за семинары не ставят. Но профессор (так обращаются к преподавателям в США студенты) составляет для себя мнение о студентах, которое может повлиять на окончательную оценку.

Подбор материалов для изучения — целиком прерогатива преподавателя курса. Нет никаких централизованных программ. Разница между преподаванием, например, биологии в двух со-

седних колледжах может быть разительной.

Знания студентов по предмету оцениваются в промежуточном и заключительном экзамене и по одной-двум контрольным работам. Все это выполняется письменно. Есть разные способы принятия экзаменов. С помощью компьютеров преподаватель распечатывает вопросы и ставит условия типа: на все не более двух часов, литературой не пользоваться. (Слова шаргалка там вообще не существует). Работать можно хоть в библиотеке. Но я не видел ни одного человека, который бы списывал. Это очень непохоже на нас, но это факт.

По итогам изучения предмета выставляется заключительная оценка. Для оценок используются буквы латинского алфавита, к которым часто приписывают плюсы и минусы. «А» — это 4 балла «а» — (с минусом) — 3,67 и т. д. Минимум положительной оценки это «с» (1,67 балла). Как правило, студента не отчисляют за неуспеваемость. Просто предмет может вам не засчитаться, а обучение вместо 4 лет продлится 5—6.

В Оберлин-колледже между осенним и весенним семестрами у студентов довольно большой перерыв — 1,5 месяца, но 3 из 4 таких каникул они должны что-то самостоятельно изучать. Можно договориться с преподавателем об индивидуальных занятиях, брать уроки на стороне. Это могут быть уроки танцев, игры на гитаре... Один студент изучал жизнь ночного города. Я проходил практику в одной из юридических организаций Вашингтона. Выбор, возможности огромны, но надо заранее договориться с преподавателем, заручиться его поддержкой, чтобы потом он принял у вас отчет и зачел вашу работу.

По окончании колледжа, получив диплом бакалавра наук, студенты ищут работу сами. Но колледж помогает им в этом. Многие организации, корпорации, фирмы присылают предложения работы в колледж. У каждого студента есть почтовый ящик. Колледж суммирует предложения и рассылает всем студентам. Потом, если желающих больше, чем требуется, представители

фирмы выбирают сами — через дополнительные экзамены, собеседования, конкурс дипломов.

Но для многих студентов по разным причинам естественной искать работу самим. Даже те, кто потом продолжит учебу в школах при университетах, чаще сначала идут поработать, осматреться, а годам к 24—25 делают окончательный выбор.

Колледж хранит сведения обо всех своих выпускниках, и те не теряют с ним связи. Часто добровольно жертвуют в фонды колледжа. И любой студент может разыскать их по картотеке и обратиться за советом, опытом, с просьбой о проведении зимней практики.

О том, какими показались мне американцы. Они смотрят на мир оптимистично-реалистично, взвешивают свои возможности. Они не мыслят жизни без многих материальных благ, но все это настолько доступно, что большого значения этому не придается. Понятия дефицита не существует, а что касается денег, то их постоянно не хватает даже миллионерам.

Американцы счастливы жить в своей стране, они дорожат историей, очень бережно и с любовью относятся к старым вещам. Могут в воскресенье провести 2—3 часа всей семьей в музее. В сравнении с нами они гораздо более непосредственны и менее официальны. Мне оказалось совсем не сложным встретиться там с юристами — международниками. В первые же дни почти все общежитие пришло со мной знакомиться. Дня три гости только и шли. А через 2—3 месяца им было уже безразлично, что мы советские. Просто появились друзья благодаря общим интересам.

Они очень гостеприимны. При наличии огромного числа остиниц там, естественно пожить несколько дней у знакомых. Студенты на каникулы и на выходные едут друг к другу. Благодаря этому я побывал во всех концах страны, в некоторых городах и штатах — по несколько раз. Если бы я ездил по всем приглашениям, у меня просто не осталось бы времени учиться.

У американцев есть слово «прайвиси», не имеющее точного аналога в нашем языке. Что-то вроде «частное», «личное». Оно там очень уважаемо. Если в банке или на почте собирается небольшая очередь, то от того, кто в данный момент у окошка, принято стоять не ближе, чем на 2—3 метра.

Принято считать, что в магазинах там любезны не без корысти. Но как объяснить, что, едва вы заходите с письмом на почту, женщина-почтальон, ничем не заинтересованная, вам улыбается, а потом жалеет приятно провести день. А если в метро вы кого-то нечаянно толкнули, он тут же перед вами извинится.

Если американцы приглашают вас к столу, не отказывайтесь только «для приличия, для первого раза». Второго приглашения не будет, так как ваш отказ сочтут за искренний.

Меня часто просили рассказать о нашей стране, в том числе и на конференциях, перед целыми аудиториями. Многого у нас они не понимают, но я не встретил ни одного «ярого антисоветчика».

Там очень ценят нашу литературу, особенно — это, наверно, известно — любят Достоевского. А незадолго до моего отъезда, американская студентка предложила мне «Мастера и Маргариту» на английском языке, отрекомендовав как «самую сильную книгу» из всего, что она читала.

Бардак. Разве не заметно?

— Так отвечают студенты, когда к ним подходишь в столовой с вопросом: что им не нравится? — А разве не заметно? — говорю.

Делаю вид, что мне «не заметно» и прошу по пунктам. Пунктом первым оказывается очередь.

1. ОЧЕРЕДЬ

Разве не заметно, что расписание так составлено, что весь университет в течение часа здесь толчется. Причем стоит в двух очередях, сначала — за подносом. Плюс работа раздачи — раздатчиц меньше, чем их должно быть. И они еле шевелятся.

Сравнивают с НГУ: там так построен график, чтобы у одних факультетов большая перемена приходилась на одно время в районе обеда, у других — на другое. Не меньше чем вдвое сто-

ловую разгружают. Почему у нас из этого надо делать проблему и долго ее перемальывать? Через ректорат сдвинуть у трех факультетов расписание на 45 минут в ту или другую сторону, и все.

2. ДОРОГО

Опять же сравнивают с НГУ: позавтракать можно на 14 копеек, а на 30 брали первое, второе и третье.

Ответ на это мы просили дать В. И. Потехину, директора комбината питания: — А почему «льготное питание» спрашивают с нас, как будто это наша прогрессивная форма работы? Нет, этим должно заниматься само учебное заведение, оно своим студентам доплачивает, — был ответ.

Обращаемся к Н. В. Беспрозованным. Льготным пита-

нием не стоит и заниматься: это талончик на 60 коп., из которых университет оплачивает 30. Много ли возьмешь на 30 копеек. Другое дело — диетпитание. Там талон на полтора рубля: сам поешь и товарища накормишь. Вот нам и нужно добиваться открытия диетзала, оборудование для него который год стоит, а Вахненко его все с места не сдвинет.

3. ГРЯЗНО

Это пункт, от которого опускаются руки у всех, потому что все им занимаются, а дел нет. По привычке ярко выразиться, Г. Ф. Вахненко говорит так: «Студенты объявили молчаливый протест и со столов не убирают». Беспрозованным объясняет: «Это пошло с того времени, когда в столовой кормили ужасно, и студенты все оставляли на столах нетронутым в знак «отказа от еды».

А теперь — только из-за этого столько взаимных претензий у работников столовой и студентов. Столовая требует дежурных — студенты дежурить не хотят («Почему мы должны?»), и хотя дежурство организовано — дежурных не найти. А что должны делать дежурные? Раньше их могли поставить резать лук или хлеб, мыть посуду, отскрести пол в кондитерском цехе. Теперь это запрещено, т. к. людей без санитарных книжек к продуктам питания не допускают. И за студентами оставили одно — убирать со столов посуду, т. к. уже стирать столы они не хотят, отказываются. Но в таком случае — и это нам сказала Беспрозованным — дежурство по столовой, от которого у всех голова кругом, вообще не нужно, если каждый за собой будет убирать. Во всех студенческих столовых от этих дежурств отказались, а мы их «налаживаем».

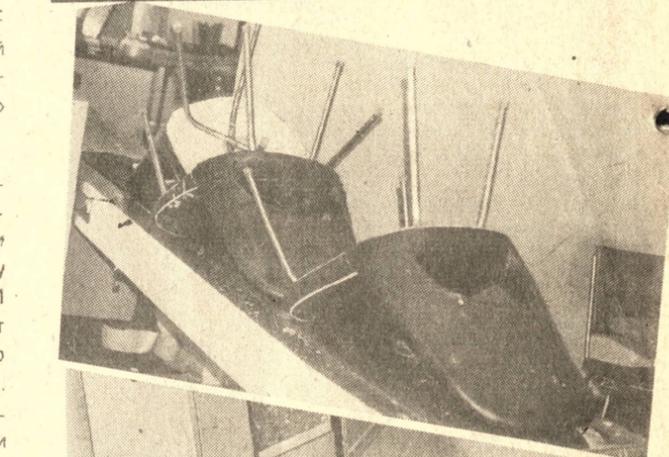
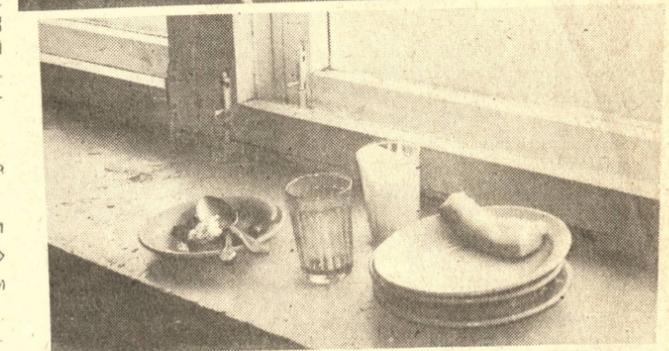
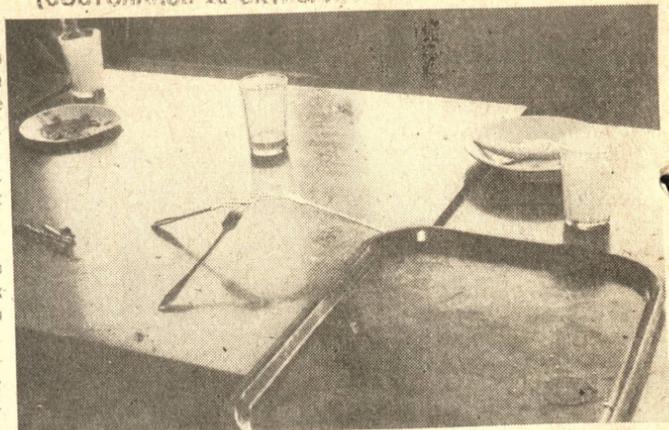
КОНФЕРЕНЦИИ

(СОСТОЯЛАСЬ 28 ОКТЯБРЯ)

(Если помните, на первом в этом году студенческом музыкальном абонементе Е. А. Лозинский «для тех кто в Малом зале впервые», т. е. для первокурсников, провел маленький ликбез: показал где какие в оркестре сидят инструменты, а заодно предупредил, что если произведение из нескольких частей, то между частями хлопать не надо. Видимо, студентам надо проводить ликбезы по поводу их поведения в каждой из областей университетской жизни. Так вот: В СТОЛОВОЙ НАДО УБИРАТЬ ЗА СОБОЙ ПОСУДУ, это не ресторан. И разносы вовремя относите).

Последнее слово еще раз предоставим В. И. Потехину, у которой на все наши обвинительные «а почему?» (ассортимент бедный, «щи — неизвестно что такое», «молочные блюда — не каждый день», «капуста — каждый день») найдется свой ответ, но кроме ответов — и собственное «удивление» университету:

— У меня еще 11 столовых и 10 буфетов. Университетская — самая большая и самая неуправляемая. Почему вы ее не оформите? В КИСИ 15 тысяч выделили на буфет с мягкой мебелью. Столовую студенты сами разрисовали. В сельхозинституте, в институте советской торговли — везде приличные столовые. Почему вам не сделать барную стойку? Не создать зеленый уголок? Не купить мебель? Нет, ничего. Сейчас подготовлены уже все расчеты для взятия столовой полностью на баланс университета. Надеюсь, «свою»-то столовую вы приведете в порядок?

час все сами оплачиваем, начиная с проектных работ. Но гараж на 100 тысяч построили. Дорогу к университету — 30 тысяч. Школе космонавтики — немного, но тысяч 20—25 — перечислили. Вычислительную технику покупали хорошо, тысяч на 600—700 в этом году, пол-миллиона в следующем году, на строительство пристройки ФТК истратили 60 тыс. рублей.

Конечно, факультеты находятся в неравном положении. Физики располагают двумя с половиной миллионами, у филологов тысяч пятьдесят. Я предлагал «поделить» между факультетами госбюджетный фонд, чтобы каждый факультет знал, чем он располагает. Но предложение не прошло — денег мало. Надо, чтобы их раза в 2 было больше.

Мы можем ожидать поступления денег по трем

Материалы страницы подготовила В. Челазнова. Фото Э. ПЛЕНКИНА.

01, 02 или 03?

Под таким заголовком в первом сентябрьском номере мы давали небольшую заметку о том, насколько перенаселены общежития. Мы тогда опустили первый абзац как слишком «паникерский». Вот он: «Сегодня мы ставим вопрос об общежитии особо. Мы уверены, что в этом учебном году оно не раз напомнит о себе, и самым прискорбным образом».

27 сентября в общежитии № 3 током убило студентку 1 курса математического факультета Горячую Светлану. Кто-то давным давно неправильно отремонтировал настольную лампу, замкнув один из проводов на корпус, т. е. лампа все время была под напряжением. Бомба замедленного действия.

После расследования разработаны меры: до 20 октября организовать проверку комнат в общежитиях на соответствие электропроводки и бытовых приборов правилам техники безопасности. Организовать ремонтную службу. Обеспечить присутствие в общежитии дежурного врача хотя бы до 23 часов. До 1 января провести в общежитиях громкую связь (дело в том, что девочке «делали искусственное дыхание, но не то, что требовалось», в это время в общежитии был человек, который знал, что надо делать).

О том, что случилось еще, люди возраста секретаря парткома Баянова говорят: «Но самое страшное...» или (Спицын): «Приготовься выдержать, что я тебе скажу»: уже мертвую девочку обокрали.

Само общежитие, которое деканаты покинули, сейчас представляет из себя бомбу замедленного действия: и его материальное состояние, и моральное.

Стали ли мы неплатежеспособны

Год назад, кажется, все вдруг заговорили о том, что «в университете нет денег», что у нас «тяжелейшая финансовая ситуация». После нашей безбедной и безмятежной жизни, когда целой лабораторией можно было поехать в командировку или заключить договор, по которому мы сами платим, а нам работу выполняют, — такой резкий переход вызвал смутнение, пересуды, хотя, может быть, казался закономерным: кончилась сладкая жизнь.

Но а действительно: какая финансовая ситуация университета? С этим вопросом мы обратились к заместителю проректора по научной работе Г. С. ДУБОВИКОВУ.

— Сейчас мы располагаем следующей суммой. Первое — бюджетные ассигнования — 5,5 млн. рублей. Большая доля (2/3) — немобильная сумма: стипендия и зарплата. Остальное, примерно миллион, на все хозяйство: машины, книги, приглашение преподавателей, командировки, оборудование и вычислительную технику.

Второй по величине фонд — от науки: 4,2 млн. рублей. Из них 1,4 млн. — ассигнования на госбюджетные темы, 2,8 млн. — хозяйственные темы.

Третий источник денег — по отделу капитального строительства: 0,5 млн.

Итого — около 10 миллионов. Дилетанту может показаться, что это большая сум-

ма. Однако, если разделить эту сумму на 1500 сотрудников и 3000 студентов, то ее очень мало.

— Почему же возникло представление, что у нас тяжелое финансовое положение?

В последние 2—3 года количество денег практически не изменилось, исключая капитальное строительство. Когда мы вели строительство 1-й очереди мы деньги от него частично использовали для оснащения оборудованием.

— Еще одна существенная перемена (после открытия канала денег по отделу строительства): наука университета перешла на хозрасчет. Что здесь произошло? Изменилась ситуация распределения денег. Раньше сверх лимитировался фонд зарплаты по хоздоговорам. И руководители тем оставшихся деньги считали очень плохо, не обращали внимания, куда они тратятся. Уни-

верситет мог их тратить на свое усмотрение, независимо от руководителей тем.

Сейчас ситуация изменилась: руководители стремятся все деньги оставить себе в фонд зарплаты или в фонд материально-технического развития. Количество денег, которые можно тратить бесконтрольно, сильно уменьшилось. Университет должен давать руководителям тем информацию о своих расходах ежеквартально. Известно также, что с переходом на хозрасчет и предприятия стали не так легко расставаться со своими деньгами. Если раньше на заказываемое исследование они могли выделить 200 тысяч, то сейчас дают 50. Т. е., чтобы освоить те же суммы, мы должны интенсивнее работать.

— Как же в новых условиях должны вести себя факультеты и кафедры, что они могут, а что не могут себе позволить? Например, известно, что у нас некому читать квалифицированно некоторые дисциплины. Свободны ли факультеты приглашать специалистов из других вузов?

— В связи с тем, что почасовые ставки были повышены в 3 раза, а количество денег осталось то же —

произошел перерасход почасового фонда зарплаты. НИЧ поможет ликвидировать этот перерасход, но ограничения, действительно, приняты довольно жесткие.

А в остальном, повторяю, ситуация не ухудшилась. По нашей вине зарплату ни разу не задержали. Банковские дела идут, в принципе, неплохо, необходимые платежи мы совершаем вовремя. Но большого запаса нет, мы живем без накоплений. Но нет и больших провалов, раньше бывало хуже, сейчас научились маневрировать.

Мы ищем новые возможности получать деньги. Издали приказ, который стимулирует продажу излишков оборудования; премия тому, кто осуществит сделку, — в размере 2% проданного имущества. За 4 месяца на 100 тысяч продали. Вычислительный центр таким образом продал старые микро-ЭВМ, купил новые.

— Можно ли сказать, что от новой ситуации страдают только гуманитарные факультеты?

— Подождите, сейчас разберемся, кто страдает и за что страдает.

В командировках за это время никому не отказано. Если даже госбюджетный фонд исчерпан — все факультеты знают, как можно оформить (через хоздоговор для строительства: мы сей-